

Пармиджанино (= Мазучо Пармезано) 22.12.09

Культура - 2004 - 16-22 дек - с. 10

Меланхолический

298

Тень принца маньеризма

“Пармиджанино в веках и искусствах” в ГМИИ им. Пушкина

Рисунок Пармиджанино

С приходом зимы снег волшебным образом преобразил землю, в преддверии Рождества хочется верить в чудеса, а в ГМИИ им. Пушкина произошла почти невероятная встреча двух героев художественной мифологии – Тициано и Пармиджанино. Но если творчество первого, ставшее фоном “Декабрьских вечеров”, нам неплохо известно, то второй, почти на четыре века старше, окутан тайной. Снять, а точнее, приоткрыть ее покров рискнул Государственный Эрмитаж, устроивший выставку к недавнему юбилею “принца маньеризма”: в 2003 году 500-летие знаменитого живописца отмечали ведущие музеи Европы и

Америки. Эстафету принял Пушкинский музей, привнес в праздник музыкальный акцент – ведь 7 декабря в Милане вновь открылся прославленный театр Ла Скала. Этому событию и посвящен совместный проект Эрмитажа и ГМИИ им. А.С.Пушкина “Пармиджанино в веках и искусствах”.

В России, увы, нет ни одной картины этого гения, одержимого бесконечным поиском идеала утонченной красоты, зато много графики – и созданной им самим, и навеянной его творениями. Два музея выставили 140 произведений европейского искусства из своих графических собраний. В пер-

вом разделе экспозиции – рисунки и офорты Франческо Мазцолы: уже после смерти его прозвали Пармиджанино – Маленький Пармезанец, благоговейно связав название города с культом художника, рано покинувшего этот свет и по смерти ставшего легендой.

Едва странный затворник Мазцолла нашел упокоение в монастыре Казальмаджоре на границе Пармской области, резчик Джулио Боназоне создал серию гравюр с основных картин мастера – они-то и разнесли славу их автора по всей Италии. От легкой и нежной манеры Пармиджанино приходили в восторг венецианцы Бассано и Веронезе, его гравюры и рисунки копировали в Антверпене, Мюнхене, Лондоне, Толедо и Амстердаме – центрах интернационального маньеризма, его работы прямо и скрыто цитировали художники барокко и рококо – Карраччи, Гвидо Рени, Гверчино; его копировал Рубенс, а Ван Дейк в автопортрете подчеркнул свой дендизм, стилизуя образ в духе раннего автопортрета Пармиджанино. Есть версия, что Веласкес сочинил “Венеру перед зеркалом”, глядя на холст Пармиджанино “Амур, строгая лук”, находившийся тогда в Испании. Картины Пармиджанино украшали коллекции Эскориала, Версаля, Уайт-Холла, венского Бельведера, за ними охотились венценозные коллекционеры всей Европы: в XVII веке Пармезанец стал художником королей, хотя при жизни не был придворным живописцем. Школу Фонтенбло вдохновляли изощренная сложность его композиций, элегантность рисунка, а позже во Франции им восторгались Ватто, Буше и Фрагонар... Недаром несколько гравюр Пармиджанино поместили на выставке рядом с итальянской майоли-

кой и лиможскими эмальями: его мотивы кочевали из страны в страну, из одного вида искусств в другой.

Логическим образом вторая половина экспозиции отдана рассказу об огромном влиянии Пармезанца на современников и на культуру Европы последующих столетий: здесь собраны гравюры художников Италии, Франции, Германии, Голландии и Англии XVI – XVIII веков. Как ни парадоксально, 130 произведений разных авторов, включая собственноручные работы героя проекта, до показа в Эрмитаже никогда не выставлялись, хотя поступили в Кабинет гравюр еще в 1830 году. Этот обширный ряд удивит даже тех немногих, кто осведомлен о творчестве Пармиджанино. К счастью, ранее уже были показаны и опубликованы его рисунки – напоминающий об увлечении музыкой лист “Св. Цецилия”, “Мадонна с младенцем в облаках” или обнаруженный в процессе реставрации “Портрет кавалера Мальтийского ордена”. А открытием выставки назван недавно купленный Эрмитажем рисунок “Сидящая молодая женщина с шитьем на коленях”; близкий к офорту “Св. Таис”. Пусть мы лишены счастья увидеть в оригинале колористически изысканные композиции Пармиджанино-живописца: фрески в замках и церквях Пармы, поразившие современников “Мадонну с длинной шеей” из Уффици, хранящуюся в Дрездене “Мадонну с розой” или предсмертный “Автопортрет”; близкий романтикам XIX века, – графика этого виртуозного рисовальщика и офортиста неразрывно связана с его живописью, а потому ценна как важнейший компонент его наследия.

Главным в творчестве Пармиджанино, создавшего вереницу алтарных образов и ряд великолепных портре-

тов, называют поиск идеи совершенной красоты. Он наделял свои персонажи, будто парящие в воздухе, хрупкой грацией, удивительно сочетавшейся с монументальностью. В бесконечной погоне за идеалом он “осветил искусство особой нежностью”, писал Вазари, историк и биограф мастеров Ренессанса. Вослед ему ученые по сей день связывают искания Пармиджанино с увлечением алхимией. Импульсом для таких занятий служило идеалистическое стремление к обретению творческой свободы и познанию безграничных возможностей разума. Алхимия – “наука-фантазия”, связывавшая стадии превращения материи с процессами творческого воображения, – влияла и на мировоззрение художника, и на его деятельность гравера. Кстати, Пармиджанино долго считали изобретателем офорта, отнимая славу у Дюрера. В алхимии видят как источник его неповторимой, совершенно особой манеры; так и причину вечной неудовлетворенности собой и результатами своей работы, превратившей недавнего баловня судьбы в анахорета. Человек тонкой и хрупкой душевной организации, ищущий чего-то нового и неизведанного, он не смог или не пожелал выполнить заказы на храмовые росписи, и вместо славы в конце жизни его уделом стали душевная травма и бегство из родного города, чтобы спастись от судебных тяжб.

Меланхолический алхимик Франческо Мазцолла, рожденный в семье пармских живописцев, еще в детстве проявил необычайную одаренность и сложился как художник самостоятельно, черпая идеи у современников – например, Корреджо, в чей мастерской работал юношей. Яркая индивидуальность, интеллект и рафинированность, склонность к дерзким,

нестандартным и поэтичным решениям привлекали к нему заказчиков и коллег. Окончательно выработался его стиль в Риме, куда он приехал в 21 год и вскоре был объявлен “вторым Рафаэлем”. Но в 1527 году, как и многие, он бежал после разграбления Рима войсками Карла V Габсбурга. Правда, есть легенда, что завоеватели не только не тронули художника, воровавшихся в мастерскую, где он писал одну из Мадонн, но даже выдали ему охранную грамоту – настолько их поразила его творческая одержимость.

В Болонье – второй столице Папской области – Пармиджанино был признан уже первым художником, здесь написал “Обращение Савла”, “Мадонну со св. Маргаритой” и еще немало алтарных картин (теперь они в лучших музеях Европы). Спустя 4 года вернулся в Парму, где, подобно Рафаэлю, умер в возрасте 37 лет. На протяжении пяти столетий его гением восхищаются Старый, а теперь и Новый Свет. Нам сверкнул лишь бледный отблеск чудесного дара Пармиджанино: мастера позднейших эпох нередко переименовывали, даже подвергали цензуре его картины, делали пропорции “правильными”, а образы – заземленными. И для большинства из нас, кому не довелось видеть сияющие холодным светом, поражающие удлинненными пропорциями и почти готической одухотворенностью картины мастера, выставка равносильна первому знакомству. Она будит воображение – хочется глубже погрузиться в загадочный мир Пармезанца, разобраться в извивах его трагической судьбы. Такой шанс дает превосходный каталог с текстами куратора проекта Аркадия Ипполитова.

Елена ТИТАРЕНКО